СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

СОЛНЕЧНАЯ НЕДЕЛЯ

КОЛЕСНИЧЕНКО ДМИТРИЙ

18+

Дмитрий Колесниченко
Солнечная неделя

https://litres.ru/74715609
SelfPub; 2026

Аннотация

Захватывающий военный роман о пятнадцатилетнем партизане Дмитрии, который вместе с небольшой группой единомышленников — бывшим полицейским Катей, военным Александром, работником метро Эдуардом и раненой девушкой Леной — встаёт на защиту оккупированного нацистами Екатеринбурга. Путь к свободе лежит через коммунистической партии СКП, нацистов, каннибалов, смертельным роботом "Х-1", и лидером Немецкой Националистической Нацисткой Армии - Генрихом Ридтером.

Содержание

СОЛНЕЧНАЯ НЕДЕЛЯ 4
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Дмитрий Колесниченко
Солнечная неделя

СОЛНЕЧНАЯ НЕДЕЛЯ
SUNNY WEEK

Акт 1:Свердловский Метрополитен
Глава 1: Станция "Площадь 1905 года"

"Мой родной Екатеринбург оказался оккупированным, и теперь мы вынуждены прятаться в метро. Я сижу на станции" Площадь 1905 года" и я уже не жду ничего хуже."
- Дима

Урал в России ассоциируется с несколькими вещами: Уральские горы, холод и связь народов. Но понятно, что Урал — это не один город.

Урал — это Екатеринбург, Пермь, Челябинск, Курган, Уфа, Оренбург, Ижевск, Ханты-Мансийск и Салехард. Действие сейчас происходит в Екатеринбурге.

Я родился, жил и живу в Екатеринбурге. Я был молодым

— мне было всего пятнадцать лет. До всего этого я был простым музыкантом и художником. Я играл соло-гитару в группе «Желе». Мы были рок-группой.

Мне, в принципе, это нравилось.

Но не всё было так круто.

Россия, Свердловская Область, Город Екатеринбург. 2028 год.

Мой родной Екатеринбург никогда раньше не выглядел таким безнадёжным. Теперь все прячутся: кто дома, кто в подвале, кто в метро, кто в каком-нибудь здании. На улице стало совсем небезопасно.

Днём там украинские и германские захватчики, ночью — разные группировки. Я сижу на станции метро «Площадь 1905 года» и чувствую себя запертым, как в клетке. Нам хоть и дают еду и воду, но это только тушёнка, а от одной тушёнки у меня скоро будет гастрит. Ненавижу такие моменты.

Раньше я пользовался метро просто как транспортом — чтобы доехать из одной точки в другую. А теперь оно стало моим постоянным убежищем. Да, лавочки, оранжево-коричневые тона, люстра, похожая на храмовую, и знакомая надпись «Площадь 1905 года» уже стали почти родными, мы уже тут обустроились. Я построил себе небольшую коморку, в ней что-то наподобии кровати, табуретка, с моей бутылкой

любимого Спрайта. Это единственное, что я пью из сладкого. Но я всё равно скучаю по родным и знакомым. Странное ощущение: вроде бы уже привык, а снаружи всё равно слышны выстрелы.

Мне однажды подали классическую гитару с нейлоновыми струнами, сказали что мне лучше на ней играть детям, чтобы их успокаивать. Это кое-как их отвлекало от тревоги. Я играл им много кого: Цоя (Группа "Кино") , Науменко (Группа "Зоопарк") , Саймолова (группа Агата Кристи) Кинчева (Группа "Алиса).

Со мной на станции несколько семей, пара раненых полицейских, врачи, часть людей из правительства, и ещё одна девушка. Её зовут Катя, ей 21 год. Она — бывший начальник отдела полиции по Чкаловскому району. Ее палаткв находится по соседству с моей коморкой.

Она была что-то вроде моего собеседника. Она единственная просила играть ей песни Летова, и я впринципе, ей этого не отказывал. Она рассказывала мне о себе и о том, как лишилась носа.

— Было дело, — рассказывала Катя, — у нас была противодиверсионная операция: группа мигрантов пыталась взорвать подстанцию «Южную». Их хоть и задержали, да только взрыв всё равно произошёл. В результате взрыва мои товарищи лишились рук и ног, а я — носа. Нас всех увезли в больницу, а там уже произошли все эти события.

Я сидел, закрыв лицо руками. Мои родители… Они оста-

лись на «Чкаловской», и, думаю, они в безопасности. Я всё думал, как вернуться к своим родителям. Там у меня мама и папа. У них была и вода, и еда.

У меня был запас воды, немного консервов, ножи и книга «У меня нет рта, но я должен кричать». Я не знал, что делать. Я спросил, есть ли у Кати знакомые тут. Она ответила, что нет.

Её единственные друзья были расстреляны на пересечении улиц Бориса Ельцина и Челюскинцев. Они ехали к вокзалу, но их расстреляли из пулемёта прямо в машине. Она была им очень верна и очень тяжело переживала за них.

А когда узнала, что они мертвы, начала сильно рыдать. И в порыве эмоций решилась перебежать по путям. Это было хоть и долго, но не так напряжённо. Я и не думал, что человек додумается спрыгнуть с платформы и побежать, но сейчас контактный рельс обесточен, поэтому, в принципе, это возможно.

Но мою мысль перебил голод. Живот распирало от голода. Я хотел есть и пить. Я спросил Катю:

— Екатерина Алексеевна, у вас есть еда?

Катя посмотрела на меня, потом на свой портфель, затем снова на меня, потом опять на портфель. Она начала искать что-нибудь съестное. Наконец достала пачку драже и банку газировки.

— Будете, товарищ? — спросила Катя и протянула их мне.

Хоть я и не ем сладкое, но сейчас хотел есть как никогда.

— Буду, благодарю, — поблагодарил я и начал есть.

Вроде нормально, а вроде и нет. Я просто хочу поесть, и уже неважно, какая это еда. Когда ем, вспоминаю наш перерыв на обед во время репетиций. Помню, в Москве у нас был тур: мы зашли в ресторан, там были такие блюда… Даже сейчас, вспоминая это, чувствую тот вкус. В принципе, мне понравилось в Москве. Там всё так застроено, и метро большое. Тут куда меньше. Там уже двести с лишним станций, а тут всего девять.

— Могу рассказать одну историю? — спросила Катя, обращаясь ко мне.

Я не думал, что она решит поддержать со мной диалог, особенно в такой нервный момент. Я прожевал и ответил:

— Ну, рассказывайте, я вас слушаю.

Она посмотрела на часы на руке — они показывали без пяти два.

— Вообщем, — начала Катя, — у нас был вызов. В доме на улице Санаторной случилась пьяная драка соседей. Это было на Вторчермете. Мы приехали оперативно. Квартира была на пятом этаже. Как только вошли, такая вонь стояла…

— А как вы чувствовали себя без носа? — прервал я.

Она посмотрела на меня, словно я её обидел, а потом ответила:

— Это было до этого.

Я понял, что она рассказывает про время до потери обоняния. Если так, то всё-это, в принципе, логично.

— Так вот, — продолжила Катя, — заходим мы на этаж — запах был уж очень ядреный, бил прямо в нос. Решили для безопасности надеть маски с фильтрами. Стало полегче. Вскоре мы постучали в дверь квартиры, на которую поступил вызов. Там были слышны крики и стуки, но никто не открывал. Я постучала сильнее — снова тишина. Потом я дала команду выбивать дверь. Мои ребята приступили к делу, и вскоре мы выбили дверь с петель.

Она прервала свой рассказ и засучила рукава куртки. Оголились накачанные мускулы — как у взрослого мужчины. Не думал, что у неё такие.

— И что было дальше? — спросил я, посмотрев ей в глаза.

Она ухмыльнулась, погладила меня по плечу и ответила:

— Тебе не рано такое знать?

Я подумал, что это какой-то стёб, и решил настоять:

— Ну нет, расскажите. Что было?

Она осмотрелась, махнула полицейскому в знак приветствия и продолжила:

— Везде грязь, стены сырые. Повсюду разбитые и целые бутылки из-под алкоголя, а из гостиной доносились разные неприятные звуки. Мы подготовились и зашли внутрь. Там двое мужчин, явно в алкогольном опьянении, пытались изнасиловать девушку лет пятнадцати. Рядом лежала без сознания женщина — скорее всего, чья-то жена. А под столом пряталась маленькая девочка. Мои ребята пошли разбирать-

ся с парнями, а те напали на них. Их быстро уложили и надели наручники. Я подошла к столу, где пряталась девочка, нагнулась и спросила, как она. Она молча показала под диван. Я посмотрела — там лежали чёрные мешки.

Я уже примерно понимал, что там могло быть, и спросил:

— И что же там?

Она перевела дух и ответила:

— Они были скрыты под брезентом. Когда я его убрала……

Внезапно, как снег посреди июля, меня окликнул начальник станции:

- Дмитрий Егорович, подойдите к вестибюлю пожалуйста.

Я встал, и пошел к вестибюлю

ВНИМАНИЕ ВСЕМ ПОСЕТИТЕЛЯМ!

УВЕДОМЛЯЕМ, ЧТО СТАНЦИИ «БОТАНИЧЕСКАЯ» И СТАНЦИЯ «ЧКАЛОВСКАЯ» БЫЛИ ПОЛНОСТЬЮ ОККУПИРОВАННЫ ВРАЖЕСКИМИ ВОЙСКАМИ. ВСЕ ПОСЕТИТЕЛИ НА СТАНЦИИ «ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ» ПОДЛЕЖАТ НЕМЕДЛЕННОЙ ЭВАКУАЦИИ В СТАНЦИЮ «ПЛОЩАДЬ 1905 ГОДА». ПРОСИМ ВСЕХ СОХРАНЯТЬ СПОКОЙСТВИЕ. КОНЕЦ СВЯЗИ.

Я потерял дар речи.

— Твою мать… Всё-таки мои родители были в оккупации! Они мертвы??? Какой ужас…

Мои мысли, мой рассудок будто накрыло тёмным очагом отчаяния. Мои родители мертвы — и теперь я один. Глаза слезились, голова кружилась, руки тряслись. Я начал теребить свои волосы — так я всегда делал во время стресса. Я был в полнейшем унынии. Мои любимые родители умерли, и теперь надежда на спасение только на мне.

Тем временем поезд подъехал к станции. Стекло было немного запачкано кровью. У машиниста не было глаза, а на лице застыл страх. Поезд остановился, люди выходили. Одна девушка, едва ступив на платформу, упала на пол в приступе рвоты. Катя подбежала к ней, подхватила, стала опорой и подвела её ко мне. Она принялась расспрашивать, как её зовут и как она себя чувствует. Но я уже ничего не слышал.

Единственное, что доносилось до меня, — звон. Он нарастал и нарастал. Мне становилось всё хуже и хуже, а потом тьма в глазах окончательно поглотила меня.

Глава 2: Станция метро "Уральская"

"После потери сознания на станции метро "Площадь 1905 года" от шока, я очнулся в поезде, который ехал на станцию метро "Уральская". Как выяснилось, нашу станцию атаковали, но кто, пока я не знаю"

- Дима

С того момента, как я отключился, всё, что было в тот день, стёрлось из памяти. Когда я очнулся, то обнаружил, что нахожусь в поезде метро. Интересно, откуда оно? Со мной были Катя и та самая девушка. Я сидел на сиденье между каким-то мужчиной и Катей. Катя сразу заметила, что я пришёл в себя, и принялась меня осматривать.

— Что произошло? — спросил я. — Где мы?

Катя продолжала меня осматривать, не отвечая.

Вдруг заговорила та девушка:

— Нас везут на станцию «Уральская». Недолго нам осталось ехать.

Я спросил:

— Почему?

— Нападение, — ответила девушка. — На нас напали захватчики. А ты как там, Дима?

Я молчал, пытаясь осознать, что вообще происходит. Когда уже нас добьют окончательно? Неужели нам теперь до конца дней сидеть в этом кошмаре?

Тем временем Катя вмешалась в разговор:

— Проклятый Генрих Ридтер… Из-за него мы тут торчим.

В её голосе слышался неприкрытый гнев. Скорее всего, именно по его команде убили всех её друзей на той улице.

В любом случае, вскоре мы прибыли на станцию «Ураль-

ская» и вышли. На платформе сидело ещё несколько мужчин — они настороженно оглядывались по сторонам. Мы подошли к ним, и Катя завела разговор:

— Вы одни?

Мужчины переглянулись. Один из них ответил:

— Да, а что? Вы что-то хотите?

Катя сказала:

— Сейчас быть одному очень опасно. Нам лучше держаться вместе. Как вас зовут?

Мужчины снова переглянулись. Затем второй произнёс:

— Меня зовут Александр, а это — Эдуард.

— Приятно познакомиться, — сказала Катя и, чуть помедлив, достала удостоверение. — Лошкина Екатерина Алексеевна, начальник отдела полиции по Чкаловскому району.

На лице девушки, которая всё это время была со мной и Катей, отразилось недоумение:

— Вы из полиции?

— Да, — ответила Катя и повернулась ко мне: — Дмитрий, это с нами Елена Шокова.

Я посмотрел на Лену, она — на меня. И в этот момент я наконец понял: теперь я точно не один. Со мной двое мужчин и две девушки. А я — молодой парень без особых навыков, но, может, хоть чем-то смогу помочь.

Мы расселись неподалёку и стали расспрашивать мужчин, как они здесь оказались. Один из них, Эдуард, начал расска-

зывать:

— Видите ли… Я — работник метрополитена, Эдуард Олегович Шуанских. Просто жил своей жизнью, работал… А политики не хотели такой мирной жизни. Основными фигурами, которые стояли по разные стороны в этой войне, были Владимир Владимирович Путин, Владимир Александрович Зеленский, Си Цзиньпин, Дональд Джон Трамп и Франк-Вальтер Штайнмайер. Они возглавляли Россию, Украину, Китай, США и Германию. В нашу область хоть и редко, но всё же долетали беспилотники. То на склад Wildberries, то на обычные районы.

— Давайте я договорю, — перебил Саша и продолжил: — Тем более я военный и знаю это лучше. Я — военный, Александр Дмитриевич, позывной «Лис». Меня поставили на ПВО, и сначала всё было вроде нормально. Мы сбивали дроны, но я заметил кое что.. Как мы не сбиавали, они пролетают через нас, и как то долетают на Урале. Тут явно что-то не так, поскольку не могут такие беспилотники летать столько километров к нам, тут и самому тупому понятно, что они прилетают из самой России, есть такие.

Разбираясь, с этим, мы совсем забыли о граничном контроле, чем позже отплатиться весь город. Вроде, мы решили задачу послав спецназ на место отправления дронов.

Но потом на нас напали с тыла. Мы слишком поздно среагировали. Начали контратаку, но их оказалось слишком мно-

го. Я убил, наверное, человек тридцать-сорок, но меня ранили в плечо. Потом меня перевели на эту станцию, и теперь я торчу тут, в этой дыре.

Эдик покосился на его раненое плечо, а потом тихо продолжил:

— Я дежурил на «Ботанической» и «Чкаловской» до оккупации. Там, кстати, твои родители были.

Он указал на меня. Я тут же вскинулся:

— Откуда знаете? С ними все хорошо?

Эдик тяжело вздохнул, бросил короткий взгляд на Катю, снова вздохнул и произнёс то, во что я никак не мог поверить:

— Они мертвы, сынок. Мертвы. Генрих их из пулемёта расстрелял.

В тот же миг земля будто ушла из-под ног. В ушах зазвенело, мир поплыл. Я рухнул на четвереньки, и меня вырвало. А потом слёзы хлынули, как ливень после долгой засухи.

— Вот тварь, — рявкнул Саша, подходя ко мне, и стал звать: — Дима, Дима!

Я ничего не слышал. Только этот бесконечный звон в ушах.

Катя подскочила, подняла меня и крепко прижала к себе. Её куртка быстро намокла от моих слёз.

— И что мы будем делать? — вдруг резко спросила Лена.

— Будем сидеть тут, сложа руки, пока нас не убьют?

Она попыталась встать — и тут же рухнула на пол, стиснув руку от боли.

— Что с тобой? — бросилась к ней Катя. — У тебя рана?

Лена кое-как поднялась и выдохнула:

— Да… там…

Она закатала рукав — и все увидели огромную царапину, из которой торчала вена.

— Какой ужас… Кто тебе так? — прошептал Саша.

Лена снова опустила рукав и глухо ответила:

— Группа подростков… Твари.

На секунду повисла тишина — тяжёлая, звенящая. А потом Катя вдруг резко ударила ладонью по столу:

— Да чтоб вас, вы вообще понимаете, что мы тут как в клетке сидим?!

Все в нашей маленькой компании вздрогнули и уставились на неё.

— И что вы предлагаете? — спросил Саша, поднимаясь и глядя ей прямо в глаза. — Хотите начать освобождение?

Катя на миг передала меня Лене, сжала кулак и обвела взглядом станцию:

— А почему бы и нет? Нам уже терять нечего! Или ты хочешь сдохнуть на «Проспекте Космонавтов»? Дальше-то станций нет!

Саша медленно перевёл взгляд с пола на нас, потом на Катю и твёрдо произнёс:

— Елена, Эдик, Димка… Встаём. Мы идём наружу.

Лена хотела возразить, но Эдуард её опередил:

— Нельзя. На вокзале полно врагов. Нам нужно пробраться на «Машиностроителей».

— А как? По рельсам? — нахмурилась Катя.

Эдуард помолчал, потом мотнул головой:

— За мной.

Мы поднялись и пошли за ним. Он направился к неприметной двери в стене, рядом с эскалатором. Дверь была закрыта, но Эдик, как работник метро, спокойно открыл её и скомандовал:

— Заходим!

Мы ввалились в тесную комнату. Внутри было темно; лишь тусклая лампочка еле освещала пространство, а вокруг неё кружились мошки. В углу стояла старая ржавая вагонетка — металлическая, с деревянными бортами, на колёсиках. Внутри виднелся огромный рычаг и несколько сидений.

Оглядев комнату, Эдик повернулся к нам:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.